

Ши Сюньлюй опустился на колени и припал лбом к земле, застыв в таком положении на долгое время.

В главном зале воцарилась тишина. Присутствующие переглядывались, не смея проронить ни звука. Все взгляды, словно по команде, устремились на Юньтина, не отрываясь ни на секунду. Каждый гадал: согласится он или откажет?

Юньтин, чувствуя на себе десятки глаз, невольно ощутил покалывание в кончиках пальцев и машинально закусил губу. Он не впервые оказывался в центре внимания — как перерожденный Бессмертный Акула, он с детства превосходил сверстников в мастерстве и привык к всеобщему обожанию, но сейчас, под этим низким поклоном Ши Сюньлюя, он почему-то почувствовал... легкое волнение.

Юньтин замер, не зная, как поступить. Он молча смотрел на макушку Ши Сюньлюя, а спустя мгновение, под пристальными взглядами окружающих, подошел к нему и — бух! — сам опустился на колени, в точности повторив поклон.

Глава Минхуэй: «???»

Цинъянь и Цинчжи: «.....»

Ши Сюньлюй, услышав шум, поднял голову, чтобы посмотреть, что происходит, и в этот момент их лбы с глухим стуком столкнулись. Юньтин от боли прослезился, едва не разрыдавшись по-настоящему. Цинъянь, не зная, смеяться или плакать, поспешил поднять Юньтина и принялся вытирать ему слезы платком. У Юньтина была нежная светлая кожа, и на лбу мгновенно выступил красный след. Ши Сюньлюй, все еще стоявший на коленях, почувствовал укол вины:

— Учитель, что вы делаете?

Юньтин вытер слезы тыльной стороной ладони и, услышав вопрос, растерянно переспросил:

— Он поклонился мне, просясь в ученики. Я согласился его принять, разве я не должен поклониться ему в ответ?

Как перерожденный Бессмертный Акула, Юньтин занимал положение даже выше, чем Минхуэй, поэтому никто никогда не требовал от него поклонов, и он понятия не имел о правилах принятия в ученики.

Цинъянь ущипнул маленького учителя за щеку, получил в ответ легкий шлепок, после чего с улыбкой произнес:

— Учитель, так кланяются друг другу только супруги в мире смертных, а между учителем и учеником это не принято.

В его голосе сквозила многозначительная усмешка. Юньтин наконец всё понял. Он подбежал к Ши Сюньлюю, распахнул свои большие, как виноградины, глаза и протянул руку:

— Хорошо, я согласен.

Характер у Юньтина был легкий, и Ши Сюньлюй быстро к нему приноровился. Он долго смотрел на протянутую ладонь, затем, закусив губу, вложил в нее свою руку. Ладонь Юньтина была горячей. Поднявшись, Ши Сюньлюй хотел было отстраниться, но почему-то вдруг почувствовал тягу к этому теплу. Поколебавшись, он не стал убирать руку и вместе с Юньтином, которого Минхуэй поспешил выпроводить из зала, отправился в свою обитель.

По пути им встречалось немало учеников, которые, сбившись в кучки, болтали или обсуждали техники совершенствования. Но стоило появиться Ши Сюньлюю и Юньтину, как вокруг них воцарялась странная тишина. Ши Сюньлюй долго смотрел им вслед, а затем отвел взгляд.

Юньтин, который все это время наблюдал за ним, проследил за его глазами. Неожиданно в груди у него разлилось странное, щемящее чувство — нечто совершенно новое для него. Он нахмурился, прижал руку к груди и озадаченно пробормотал:

— М-м?

Ши Сюньлюй обернулся и, увидев состояние Юньтина, встревожился. Он подошел ближе и взял его лицо в ладони:

— Учитель, что случилось? Где болит?

Юньтин не ответил прямо, лишь посмотрел на него с обезоруживающей искренностью:

— Ты хочешь быть с ними? Не хочешь быть со мной?

Ши Сюньлюй замер:

— О ком вы, учитель?

Юньтин указал на группы учеников и понуро опустил голову. У Ши Сюньлюя дрогнуло сердце. Он не ожидал, что Юньтин заметит его мимолетный взгляд. Собравшись с мыслями, он присел перед ним на корточки, взял за руки и заглянул в глаза:

— Как вы могли такое подумать, учитель?

Юньтин не поверил, надул губы и промолчал. Ши Сюньлюй подумал, что его маленький

учитель порой капризен, как девушка, но терпеливо пояснил:

— У каждого в этом мире свой путь и свое предназначение. Раз уж я решил следовать за вами, учитель, то буду верен своему выбору до конца. Не может быть и речи о том, чтобы оставить вас ради кого-то другого.

Юньтин встретился с его мягким взглядом, закусил губу и неуклюже погладил Ши Сюньлюя по голове:

— Но я не хочу, чтобы ты был несчастлив. Я не хочу, чтобы ты был несчастлив, — повторил он.

Ши Сюньлюй замер, а Юньтин продолжил:

— Если ты несчастлив и хочешь быть с ними, я... я...

Юньтин стиснул зубы, его голос дрожал. Он уже готов был сказать, что разрешает ему уйти, но Ши Сюньлюй перебил его, приняв серьезный вид:

— Я счастлив, учитель.

Ши Сюньлюй впервые по-настоящему взгляделся в глаза Юньтина. Они были темными, глубокими, словно полированный черный нефрит — на вид простые, но невероятно проницательные и до невозможности красивые.

— Ученик никогда не покинет вас, — твердо добавил он.

Юньтин, услышав это, просиял. Подумав секунду, он привстал на цыпочки и чмокнул Ши Сюньлюя в лоб, выражая свою привязанность. Ши Сюньлюй окаменел и застыл на месте, как изваяние.

#Мой учитель слишком наивен, что делать?#

#Стоит ли мне отстраниться или проявить инициативу?#

*

Однако вскоре Ши Сюньлюю пришлось взять свои слова обратно.

До шестнадцати лет Юньтин жил с братьями-учениками в павильоне Цинъюй, а после ушел в затворничество на гору Минъюэ. Своей обители у него не было. Теперь же, когда остальные ученики нашли себе спутников жизни и переехали, а павильон Цинъюй отдали под жилье для

внешних учеников, им с Юньтином стало негде жить.

Как современный человек, Ши Сюньлюй не мог, подобно Юньтину, просто лечь спать на дереве. Он поднял глаза на учителя, который уже устроился на ветке, и в отчаянии подумал, что проще сбежать.

Юньтин почувствовал движение и, решив, что Ши Сюньлюй собирается уйти, встревоженно вскочил, как зайчонок:

— Ты куда?

Ши Сюньлюй остановился и обернулся с выражением глубокой печали на лице:

— Пойду спрошу у старших братьев из Управления жильем, можно ли нам построить здесь свою обитель.

Юньтин, сидя на ветке и болтая ногами, недоуменно спросил:

— Зачем строить обитель? Мне кажется, спать на дереве очень даже неплохо.

Юньтин был самым чистым существом, которое Ши Сюньлюй когда-либо встречал. Слово кристалл, он не был обременен мирскими заботами. Ши Сюньлюй хотел защитить эту чистоту, но не мог допустить, чтобы его учитель вечно ночевал под открытым небом.

Он ничего не стал объяснять, но следующие несколько дней пропадал в Управлении жильем. Он сам рисовал чертежи, выбирал материалы и место. Юньтин же вел привычный образ жизни — медитировал или играл с духовными зверями. Каждый раз, возвращаясь в лес, Ши Сюньлюй видел, как его учитель спит на дереве, свернувшись калачиком.

Ши Сюньлюй старался ступать бесшумно, накрывал Юньтина одеждой, а затем укладывался спать под деревом, охраняя его покой.

Через семь дней роскошная обитель была готова. Юньтин, весь промокший после купания в ручье, искал, где переодеться, и, наткнувшись на новый дом, с любопытством заглянул внутрь. Блуждая по коридорам, он приходил в восторг от каждой детали. А когда добрался до кухни, то увидел Ши Сюньлюя в фартуке. Юньтин радостно подпрыгнул и, как зайчонок, повис у него на шее:

— Ученик, я так счастлив!

Ши Сюньлюй, в прошлой жизни бывший кондитером, наконец-то вернулся к любимому делу и был настолько увлечен процессом, что от неожиданности выронил половник. Увидев, что это

Юньтин, он поспешно убрал руки, чтобы не обжечь учителя горячим паром, и с улыбкой сказал:

— Учитель, идите мыть руки, скоро будем ужинать.

Юньтин радостно выбежал, а потом вернулся, чтобы помочь расставить посуду. Когда Ши Сюньлюй накрыл на стол и начал разливать вино, он вдруг спросил:

— Учитель, сколько вам лет?

— Сто шестнадцать, — ответил Юньтин, покусывая палец. — А это что? Так вкусно пахнет.

— Это вино, — Ши Сюньлюй успокоился и налил немного в чашу себе и учителю.

Юньтин сделал глоток, и его глаза засияли:

— Вкусно!

— Попробуйте это, — Ши Сюньлюй пододвинул к нему миску с рисовыми шариками в кунжуте.

— Сегодня новоселье, нужно поесть чего-нибудь хорошего.

— Почему? — Юньтин взял палочки, но вместо того чтобы есть самому, неуклюже положил шарик в миску Ши Сюньлюя.

Ши Сюньлюй почувствовал, как сердце тает от нежности. Он поднял свою чашу, предлагая учителю чокнуться:

— Там, откуда я родом, это называют радостью новоселья. С этого дня здесь наш дом.

— Дом? — Юньтин растерянно смотрел на него.

Это слово казалось ему одновременно чужим и родным. В мерцающем свете ламп глаза Ши Сюньлюя казались невероятно теплыми, в них отражались искорки домашнего уюта. Юньтин вдруг понял: как бы далеко он ни ушел, стоит ему обернуться, и Ши Сюньлюй всегда будет стоять за его спиной, оберегая его покой.

Это и есть ощущение дома?

Юньтин не понимал, откуда взялись эти мысли, но в груди стало сладко и одновременно щемяще, словно от раздавленных ягод. Он подпер лицо руками и, глядя на Ши Сюньлюя, твердо произнес:

— Ты очень хороший.

Если все любовные испытания будут такими, как ты, может, Небесный Путь пошлет мне еще парочку?

От автора:

Небесный Путь: Мало того, что я дал тебе одного, ты хочешь еще? Ты что, переел персиков?

Юньтин: QAQ

Но ведь Тинтин не хотел ничего плохого!

<http://bllate.org/book/19526/1914582>